

Вчера вечером, когда после приветственного концерта Пэй Сун возвращал чемодан Лу Чэншаню, инженер обронил, что готов подписать новый контракт с командой.

Для Пэй Суна это стало лучшей новостью за последнее время. Он прямо у общежития налетел на Лу Чэншаня с объятиями, от избытка чувств едва связывая слова, и поклялся, что ни за что его не подведет.

На что Лу Чэншань сухо заметил: сначала, мол, гарантируй, что не вылетишь на сессии. Если в конце сентября перед выездом на Северную петлю Нюрбургринга выяснится, что у пилота хвосты и пересдачи, в Германию он не поедет.

Лу Чэншань слов на ветер не бросал, и Пэй Сун это прекрасно знал.

Поэтому во вторник Пэй Сун с самого утра засел в библиотеке.

Как минимум пять девушек порывались подойти и спросить контакты в WeChat, но их на корню отпугивала исходившая от парня тяжелая, почти ощутимая аура отчаянной зубрежки. В педагогическом университете с дефицитом парней симпатичные студенты были на вес золота, но подступаться к этому «холодному монументу» никто так и не рискнул.

В читальном зале царила звенящая тишина. Если кто и переговаривался, то исключительно едва слышным шепотом на ухо.

Пэй Сун сидел в беспроводных наушниках, а на том конце провода находился Баомэн — редкой породы преданный друг, который ухитрялся совмещать подработку с репетиторством и натаскивал Пэй Суна по предмету.

В своё время, поступив в Хайнаньский педагогический университет и покорно согласившись на распределение, Пэй Сун искренне радовался, что попал на один факультет с лучшим корешем. Китайская филология! Пэй Сун тогда наивно полагал: классическая словесность, поэзия, романтика, каждый день — витание в облаках да эстетическое просветление.

А потом вышла Древнекитайская словесность с увесистой дубиной наперевес и врезала ему по кумполу, после чего передала эстафету Древней истории литературы, стоящей в очереди следом.

В общем, единственным неоспоримым преимуществом Пэй Суна на этом факультете оставалась физическая выносливость рук. Тренированный гонщик способен писать без остановки еще часа два после того, как у обычных студентов отваливаются пальцы и начинаются судороги в запястьях. Правильно ли он пишет — дело десятое. Главное — выдержка и правильный настрой.

Именно этот настрой и железная выносливость заставили его просидеть в библиотеке с утра до

самого вечера.

В шесть часов вечера Пэй Сун вытек из здания библиотеки. Он чувствовал себя выжатым лимоном, а каждый шаг давался с невероятным трудом. Провести десять часов подряд в тесном гоночном ковше было для него сущим пустяком, но восемь часов за учебным столом заставили почувствовать себя одной ногой в могиле.

Он замер на площадке перед широкой лестницей. Мимо проходили студенты; перед экзаменами у всех были серо-каменные лица, но Пэй Сун выглядел мертвее всех.

Он сладко и долго потянулся. Сегодня на нем не было привычной футболки с мишкой — он натянул первую попавшуюся из командного мерча: нежно-голубая ткань, а справа на подоле красуется тигриная морда.

Едва парень опустил руки, как по плечу увесисто хлопнули.

Пэй Сун ойкнул, обернулся и изумленно вытаращился:

— Шан Жун?

Перед ним стояла та самая девушка — неразделенная любовь Баомэна, так и не успевшая расцвести.

Шан Жун выглядела мертвенно-бледной, словно не смыкала глаз всю ночь. Контакт с Пэй Суна у нее не было, поэтому ей пришлось обегать кучу народа, пока не выяснила, что вчерашний солист с «Ориона» зубрит в библиотеке.

— Что-то произошло? — спросил Пэй Сун, замечая ее взбудораженный вид. — У тебя... ко мне дело?

Переводя дыхание, Шан Жун выпалила:

— Да... Мне очень нужна помощь. В вашей команде работает девушка по имени Дай Вэйвэй, верно?

— А-а, — Пэй Сун ненадолго задумался, восстанавливая в памяти образ девушки с ресепшен. — Да, Вэйвэй-цзе у нас в тыловом обеспечении.

— Ты можешь до нее достучаться? — спросила Шан Жун.

Пэй Сун хлопотно замигал:

— Разве что в общем чате отмечу. У меня нет ее личного контакта.

— Она не отвечает на сообщения, телефон отключен, я уже с ума схожу, — сбивчиво заговорила Шан Жун. — Я хотела сама поехать к вашей базе, но...

Девушка осеклась и тихо добавила:

—...Но мать отслеживает мою геолокацию.

Пэй Сун все еще туго соображал после зубрежки, пока Шан Жун не добавила простую и оглушительную деталь: Дай Вэйвэй — ее девушка.

— Оу... — Пэй Сун вытащил из кармана телефон. — У команды сегодня выходной, но я могу спросить у инженера.

— Пожалуйста, — выдохнула Шан Жун.

Лу Чэншань сегодня дежурил в ангаре. В понедельник он отдохнул, а во вторник приехал, чтобы разобрать гоночный обвес Apollo IE и вернуть суперкар к заводской конфигурации.

Когда зазвонил телефон, инженер только что вымыл руки. Он отдернул пару бумажных полотенец, вытер пальцы и принял вызов:

— Пэй Сун.

— Лу-гун, — раздался в динамике голос парня. — Ты можешь связаться с Вэйвэй-цзе из техподдержки? Тут ее... э-э... знакомая, моя однокурсница, никак не может до нее дозвониться.

— Погоди секунду.

Лу Чэншань с телефоном у уха вышел из гаража, пересек парковку и направился к зоне отдыха при ангаре.

— Дай Вэйвэй в команде. Твоя однокурсница рядом?

— Да, Шан Жун прямо со мной.

— Передай ей трубку, я дам Вэйвэй отвечать.

Пэй Сун протянул телефон. Шан Жун мгновенно все поняла и приняла аппарат обеими руками.

В динамике зазвучали тревожные женские голоса: «Ты как? С тобой все в порядке? Ничего не случилось?».

Время близилось к половине седьмого. Вечернее солнце катилось к горизонту, прохладный сентябрьский ветер слегка ерошил шевелюру Пэй Суна. СМОТЯ, как девушка сжимает его телефон, он подумал, что Лу Чэншань сейчас наверняка точно так же стоит рядом с Вэйвэй.

Пэй Сун не знал подплетки этой истории и не стал лезть с расспросами. Лишь когда Шан Жун с благодарностью вернула мобильный, он снова прижал его к уху:

— Лу-гун.

— Дело такое, — сдержанно заговорил Лу Чэншань. — Сегодня днем на базу заявили люди. Скандалили, представились родителями и родственниками Шан Жун. Разбили телефон Дай Вэйвэй, ее саму толкнули, немного помяли. Я был в боксах и выскочил, только когда пошел в шоурум за деталями.

Пэй Сун округлил глаза:

— Мать твоя... Ты полицию вызвал?

Лу Чэншань вздохнул:

— Вэйвэй не разрешает.

Пэй Сун обомлел еще больше:

— Это же... это же открытое нападение! В шоуруме полно камер! Да их за такое судить надо, без штанов оставить!..

На полуслове он осекся, вспомнил, что Шан Жун стоит в шаге от него, и заглох.

Впрочем, логику Вэйвэй можно было понять. Судимость родителей ставит крест на карьере детей, а Шан Жун планировала сдавать госслужбу. Вэйвэй явно не хотела ломать ей жизнь.

На том конце провода раздался щелчок двери — Лу Чэншань вошел в комнату отдыха.

Пэй Сун переключил внимание:

— А они тебя не зацепили?

Только что две девушки выясняли, все ли в порядке, а теперь эта парочка переключилась друг на друга.

— Нет, — коротко ответил Лу Чэншань и замолчал.

Пэй Сун не стал искать двойного дна в этом молчании. Лу Чэншань вообще был человеком нероняющим слов: нет темы — нет разговора.

Вот только дневная драма оставила на душе инженера тяжелый, гадкий след. Физически он не пострадал — на сурового, раскачанного Лу Чэншаня неадекватная толпа напасть не решилась, — но ядовитые выкрики матери Шан Жун глубоко въелись в память.

Женщина с растрепанными волосами билась в настоящей истерике. Ее глаза опухли от слез, она плакала и орала во весь голос, а муж, брызгая слюной, тыкал пальцем в забившуюся за стойку ресепшен Вэйвэй.

«Ты взрослый, работающий человек! Ты совращаешь студентку! Совесть у тебя есть?!»

«Ей всего двадцать два! Моя дочь еще институт не окончила! Она же совсем девчонка, оставь ее в покое! Слышишь?!»

«Она ни с кем не встречалась, а ты сделала ее лесбиянкой! Как у тебя руки не отсохли! Она же еще ребенок!»

Эти слова резали Лу Чэншаня по живому, словно раскаленные иглы.

Он сидел в комнате отдыха, которую делил с Пэй Суном. Незаметно для него самого помещение заполнилось вещами паренька: глиняный мишка на столе, какие-то модельки гоночных авто, игрушечный шлем размером с ноготь. На дверце шкафчика магнитом приколото резюме Пэй Суна.

А еще его учебники... Лу Чэншань протянул руку, взял «Введение в литературоведение», открыл титульный лист, посмотрел на размашистую подпись Пэй Суна и молча закрыл.

Глубокий вдох. Надо успокоиться.

В наше время стоит зайти в интернет, как тут же начинаешь принимать чужие выпады на свой счет. Кто-то кого-то где-то подколол — а ты уже чувствуешь себя задетым. Кто бы мог подумать, что и в реальной жизни он окажется столь же уязвимым.

Он ведь ничего плохого не сделал. Лу Чэншань потер переносицу, заставляя разум проясниться. Ничего не было. Не нужно проявлять излишнюю чувствительность.

Однако через двадцать минут дверь комнаты отдыха распахнулась.

Лу Чэншань обернулся.

— Лу-гун!

На Пэй Суне была небесно-голубая командная футболка, отчего его кожа казалась совсем фарфоровой. На одном плече висел черный рюкзак. Завидев инженера, парень расплылся в широкой улыбке:

— Лу-гун, я жрать хочу!

Лу Чэншань не удержался от смешка, сразу обо всем догадавшись:

— Привез Шан Жун?

— Ага, — кивнул Пэй Сун.

Лу Чэншань поднялся со стула:

— Пошли, покормлю тебя.

В шоуруме две девушки рыдали, обнявшись. Лу Чэншань и Пэй Сун вышли из ангара и направились к улочке через дорогу, где ютилось несколько небольших заведений.

По пути Пэй Сун рассказал, что в телефон Шан Жун зашита программа слежения, и мать в реальном времени видит ее местоположение. Но девушке жизненно необходимо было увидеть Вэйвэй, поэтому она оставила свой мобильник соседке по комнате и умолила Пэй Суна привезти ее на машине.

Забегаловка на окраине города была знакомой: хозяин узнал Лу Чэншаня, кивнул и предложил садиться за любой стол.

— И еще, — Пэй Сун подался вперед и понизил голос: — Лу-гун, тут вообще дичь. Шан Жун рассказала, что на днях приехала домой и случайно обнаружила... Зеркало, которое висело у нее в комнате на стене, оказалось зеркалом Гезелла! Односторонним!

Лу Чэншань, листаящий меню, поднял взгляд:

— Односторонним?.. Ее родители подглядывали за ней из своей комнаты?

Слово «подглядывали» рядом со словом «родители» звучало дико и жутко.

Пэй Сун энергично кивнул:

— За той стеной как раз их спальня! Представляешь, они годами за ней пасли! Мурашки по коже, жуть какая-то.

Даже опытный Лу Чэншань сочел это безумием, что уж говорить про молодые мозги Пэй Суна. Поцокав языком, парень уверенным движением зачеркнул в меню «Свинину по-деревенски с острым перцем».

Затем поднял глаза:

— Лу-гун, а можно попросить, чтобы без перца пожарили?

Лу Чэншань глянул на выбранную позицию и сурово отрезал:

— Свинина с перцем без перца — это издевательство над кулинарией. Не майся дурью.

— Ладно-ладно, — Пэй Сун сдал назад и выбрал банальную яичницу с помидорами.

За едой Лу Чэншань вел себя предельно собранно: никаких телефонов, никаких пустых разговоров — образцовый, суховатый взрослый. Желваки мерно двигались, движения палочками точные, аккуратные. Совсем не то что Пэй Сун.

Пэй Сун зажал палочки в зубах и принялся изучать лицо инженера. Он ждал, проявится ли какая-то эмоция, когда Лу Чэншань попробует острое мясо. Но тот ел с абсолютно непроницаемым видом.

Их взгляды пересеклись. Лу Чэншань прекрасно видел, что парень за ним наблюдает, но молчал и спокойно продолжал трапезу.

— Остро? — не выдержал Пэй Сун.

— Нормально.

— Не верю.

От одного запаха в горле першило.

Лу Чэншань вздохнул:

— За твоей спиной холодильник. Там молоко.

— Я сначала кусочек попробую.

Пэй Сун отправил в рот ломтик мяса, тут же зашипел, подорвался и помчался к холодильнику.

Витрина стояла у самого выхода. Доставая коробку молока, Пэй Сун заметил на противоположной стороне улицы полицейскую машину. Хозяин заведения тоже высунулся из-за стойки, разглядывая мигалки.

Вернувшись за стол, Пэй Сун сообщил:

— У ворот базы копская тачка. Похоже, Шан Жун все-таки дала ход делу.

— Ешь давай, — без особых эмоций отозвался Лу Чэншань.

Пэй Сун опять оглянулся:

— Нам не надо вернуться?

— Нет смысла, — качнул головой инженер. — В шоуруме четыре камеры, все записано в идеальном качестве. Если понадобятся показания, полиция сама свяжется.

Логично. Пэй Сун вонзил трубочку в коробочку. Ему казалось, что у Лу Чэншаня сегодня что-то стряслось. Явных признаков не было — инженер всегда оставался невозмутимым и сдержанным, но сегодняшнее его состояние казалось каким-то сбитым.

Когда они доели, полиция все еще не уехала. Вернувшись в ангар, они застали троих офицеров, скачивающих записи с камер на ресепшен.

Заявление действительно подала Шан Жун, и теперь Дай Вэйвэй предстояло ехать в больницу на снятие побоев. Лу Чэншань попросил Пэй Суна отвезти Шан Жун обратно в общежитие. Как раз подоспел двоюродный брат Вэйвэй, так что инцидент на сегодня был исчерпан.

Когда Кэ Баомэн вернулся в комнату, Пэй Суна еще не было. Он набрал друга, и тот вкратце обрисовал ситуацию по телефону.

Баомэн опять наострился реветь. Пэй Сун заорал в трубку:

— Держи себя в руках! Я уже поднимаюсь!

В итоге Баомэн еще полчаса прорыдал на плече у Пэй Суна, пока окончательно не выдохся. Вытерев слезы, он заявил, что оплакивал не столько ситуацию, сколько тяжелую долю своей несчастной богини.

Тем временем Лу Чэншань зашел в круглосуточный супермаркет у своего ЖК и наконец-то отыскал те самые мармеладки со вкусом колы.

На кассе продавали сигареты. Он застыл перед витриной на пару минут, с трудом подавив порыв, после чего расплатился за пачку мармелада и бутылку воды.

Сидя в кресле-мешке на балконе, Лу Чэншань закинул в рот кофейную конфету со вкусом колы и включил на планшете то самое шоу про фермеров, которое они смотрели с Пэй Суном. Проект разродился новой порцией эпизодов и сменил саундтрек на более бодрый.

Впрочем, на экран инженер почти не смотрел. Его взгляд был прикован к редким звездам над городом.

Внезапно экран планшета подсветился от уведомления.

«Пэй Сун: Лу-гун, ты как сегодня? Норм?»

Лежа на кровати в общежитии, Пэй Сун долго сомнениями мучился, прежде чем отправить это сообщение. А отправив, сразу пожалел: он же просто мелкий пацан, чем он может помочь взрослому мужику, если у того реально какие-то проблемы?

«Как ты сегодня?»

Паршиво.

Слова матери Шан Жун до сих пор эхом отзывались в голове, отравляя мысли.

«Ты взрослый человек! Совращаешь студентку! Совесть у тебя есть?!»

«Как у тебя руки не отсохли!»

Лу Чэншань ощутил дикое желание закурить. Вместо этого он отправил в рот еще одну мармеладину. Он-то думал, что бросить курить — раз плюнуть, надо просто терзать себя и не брать сигарету. Кто же знал, что главным препятствием на пути к здоровому образу жизни станет его собственный пилот.

А затем Лу Чэншань занялся самоанализом. С какого перепугу его потянуло на двадцатилетнего пацана?

Тут не было никакого тумана: он запал на него. Он был слишком рационален, чтобы заниматься самообманом в духе «мне просто показалось, это всё глупости».

В этом заключался главный плюс Лу Чэншаня — сухой, объективный подход к любой проблеме. Будь то ремонт узла или расклад на трассе: сломалось — чини, уступаешь — выжимай максимум из возможного.

К себе он применял те же лекала. Раз уж занесло не туда, куда надо — надо отремонтировать собственный разум.

А если не подлежит ремонту... Что ж, есть другой проверенный способ. Неисправную деталь закидывают на дальний склад и ждут, пока ее не спишут в утиль.

«Лу Чэншань: Все в порядке, ничего страшного.»

Пэй Сун уставился в экран и облегченно улыбнулся.

Набрал в ответ: «Ну и отлично. Доброй ночи, Лу-гун.»

Раз ничего страшного, можно спать спокойно. Завтра снова зубрежка, а послезавтра — экзамены.

Главное — не завалить. Ему кровь из носа надо на Нюрбургринг.

С этой святой мыслью Пэй Сун провалился в глубокий, крепкий сон.

В среду он снова проторчал в библиотеке до вечера. На выходе столкнулся с преподавателем Дуанем с их факультета, тут же расплылся в подобострастной улыбке и отпустил комплимент его авто.

Проблема заключалась в том, что от переизбытка информации мозги Пэй Суна спеклись, и

язык работал быстрее мысли.

Поэтому вечером в среду Лу Чэншань, вытирая мокрые волосы полотенцем после душа, глупо лыбился в экран телефона.

Пэй Сун прислал сообщение:

«Мне пиздец. Я ляпнул нашему преподу про его Туарег: „Учитель Дуань, 12 цилиндров — это моща! Купить Фольксваген за два миллиона — все равно что налить элитное вино в бутылку из-под соевого соуса!“»

Лу Чэншань от души посмеялся и набрал ответ:

«Человек, купивший КТМ за два миллиона, вообще не имеет права открывать рот. Надо было зайти с другой стороны: у него Фольксваген, и у тебя движок от Фольксвагена. Родственные души, считай.»

Пэй Сун: «Не сообразил...»

Экзамены растянулись с четверга по субботу.

В четверг около восьми утра менеджер Сунь затребовал у Пэй Суна пакет документов для оформления немецкой визы.

Серия гонок на время на Северной петле Нюрбургринга в иерархии автоспорта уступала разве что Формуле-1.

Впрочем, сам Нюрбургринг в свое время принимал Гран-при Формулы-1, пока трассу не признали непригодной для современных болидов: покрытие оставляло желать лучшего, полотно слишком узкое, перепады высот слишком агрессивные, а связки поворотов — чересчур опасные.

Но Нюбэй — это «Зеленый ад», «Кольцо истины», Мекка для любого профессионала и амбициозного любителя.

Как говорят в тусовке: «На Нюрбургринге не бывает выходных, здесь ебашат суперкары и дрифтуют наматывающиеся на столбы любители». Трасса открыта для всех желающих, но параллельно здесь проходят престижнейшие этапы гонок кузовных авто и серии GT.

С четверга по субботу Пэй Сун даже во сне видел, как несет по кольцу.

— Когда результаты выкатят? — Пэй Сун отдал пас Баомэну.

Тот в прыжке отправил мяч в корзину:

— Обещали в среду утром. Ты-то как написал?

— Наскреб на все вопросы, — Пэй Сун утер пот со лба. — Единственное, в чем я уверен на сто процентов, — это то, что правильно написал свое имя.

В воскресенье он выпался, от души побегал с пацанами в баскетбол и сходил на хого.

В понедельник утром Пэй Сун первым прибыл на базу команды.

Ключей от главных ворот у него не было, так что пришлось сидеть в открытом КТМ X-Bow и жариться под сентябрьским солнцем, пока не показалась знакомая машина.

Едва раздался характерный басовитый рык двигателя, Пэй Сун высунулся из машины и заорал, маша руками:

— Лу-гун!

Лу Чэншань в душе окрестил его дурачком. На дворе середина сентября, погода скачет, и сегодня палило будь здоров. Подъехав вплотную, инженер опустил стекло:

— Тебе религия не позволяет вылезти из корча и встать в тень?

— А, — Пэй Сун почесал затылок. — Я что-то не подумал.

—...

Лу Чэншань вылез из машины и отпер тяжелые металлические ворота парковки. КТМ рывкнул мотором и юркнул внутрь.

Историю с Дай Вэйвэй Лу Чэншань больше не поднимал. Зато за те несколько дней, что он не видел Пэй Суна, инженер счесал две пачки кофейных мармеладок со вкусом колы — норма, которую он раньше не съедал и за год.

С самого утра понедельника Пэй Сун опять закрутился вокруг Лу Чэншаня.

И снова начался этот бесконечный щебет:

— Лу-гун, а это ты что делаешь?

— Выставляю угол в девяносто градусов.

— А это что? Цепь от велосипеда?

— Это цепь привода ГРМ.

— А вот эта хреновина? — Пэй Сун цапнул круглый прибор. — На карманные часы похожа!

— Это индикатор часового типа для выставления мертвой точки. Положи на место.

«Я правда на него запал?» — спросил себя Лу Чэншань, анализируя собственное поведение. Может, он ошибался? Перед ним ведь все тот же балбес.

И тут до инженера дошло кое-что погорше.

Он не злился.

Он, главный механик, перебирал движок, а этот малолетний пилот крутился под руками и хватал сложные приборы — и он ни разу не гаркнул на него!

«Тебе крышка, Лу Чэншань», — мысленно констатировал инженер и закрыл глаза.

Затем повернулся к парню:

— Ты свои пять часов обязательной накатки когда планируешь начинать?

Пэй Сун замер и тихонько вернул индикатор на верстак.

Лу Чэншань продолжал ровным тоном:

— Я сегодня ровно в шесть вечера сворачиваюсь и уезжаю. Не накатаешь пять часов — я лично перехвачу курьера с твоей визой и аннулирую документы.

Пэй Суна как ветром сдуло.

Лу Чэншань тихо вздохнул, качнул головой и вернулся к работе.

Но не успел он нанести смазку на коленвал, как из-за угла снова вынырнула знакомая физиономия.

— Последний вопрос, Лу-гун!

— Излагай, — Лу Чэншань выпрямился и уставился на него.

Пэй Сун ткнул пальцем в разобранный блок:

— Выглядит хтонично! Восемь цилиндров, восемь свечей... Откуда взяли?

Вопрос был явно с подвохом. Лу Чэншань подавил улыбку и с максимально серьезной миной выдал:

— Сняли с Ferrari SF90 XX Stradale. Перебрали под гоночный регламент.

— Кому поставите?! — Глаза Пэй Суна вспыхнули надеждой.

Лу Чэншань отвернулся и продолжил смазывать детали:

— Тебе.

Под громкий, восторженный вопль «Е-е-е!» Пэй Сун испарился во второй раз. Через минуту по полигону огласился рык Saab 9-3. Сааб был отличным аппаратом, раскаченным до неадекватных показателей, но для Нюрбургринга...

Для Нюрбургринга требовалось табунище от Феррари.

На этой неделе коллектив команды, узнав о продлении контракта Лу Чэншаня, вознамерился закатить пирушку. Гулянку назначили на вечер среды: как раз у Пэй Суна выкатят оценки за сессию, и если он сдаст — будет двойной поводок для праздника, а если завалит — заливают горе.

Менеджер Сунь отписался в общем чате, указав место и время, и уточнил, нет ли у кого накладок. В автоспорте корпоративная культура была простой: не хочешь или не можешь идти — никто дуться не станет.

Откатав утренние два часа, Пэй Сун поплелся отправлять данные телеметрии. Взмыленный, с зажатым под мышкой шлемом, он уткнулся в монитор телеметрической стойки, выискивая свой бортовой номер.

После интенсивного заезда дыхание еще не восстановилось. Пэй Сун пошел искать воду. Менеджер Сунь сказал, что питьевая вода у них кончилась, и отправил его к мотокроссу. Пэй Сун метнулся к соседям.

Назад он вернулся не только с двумя бутылками изотоника, но и с подкатным лежаком-подкаткой для ремонта днища, которую его попросили передать Лу Чэншаню.

Довольный Пэй Сун, зажав подмышкой лежак, ввалился в боксы. Лу Чэншаня нигде не было видно. Он окликнул Цзян Ди, и та неопределенно ткнула пальцем под брюхо Феррари:

— Там он. Под машиной.

— Э? — Пэй Сун посмотрел на лежак в своих руках. — А я тогда что приволок?

Цзян Ди хмыкнула:

— Ну, значит, чужой взял.

Лу Чэншань действительно лежал под брюхом машины на слесарной подкатке, подтягивая крепеж днища и проверяя стыки защитных экранов.

Колеса еще не навесили, так что просвет оставался приличный, и работать было относительно удобно. Этот корч, собранный на базе Ferrari SF90 XX, Лу Чэншань не стал оснащать стандартным плоским днищем, предпочтя развитый аэродинамический комплект с выраженным эффектом земли.

Шр-р-р — раздался характерный звук пластиковых колесиков.

Лу Чэншань замер.

Рядом с ним под днище машины на второй подкатке заехал Пэй Сун.

— Лу-гун! — весело поздоровался парень, повернув голову. — Я твою тележку у мотоциклистов забрал.

—... — Лу Чэншань уставился на него с немым шоком.

Адамчик на горле инженера дернулся. Он тупо не знал, что сказать.

— Ого-о, — Пэй Сун задрал голову, разглядывая элементы композита. — Так вот как выглядит днище с эффектом земли? А это что за штуковина? Потрогать можно?

— Это вертикальный сплиттер-направляющий, — сдержанно ответил Лу Чэншань. — Ты на кой черт сюда залез?

Пэй Сун ловко, словно фокусник, вытащил из-за пазухи бутылку изотоника:

— У нас баклаги кончились, я у мотоциклистов две отжал. На, держи.

—...

Честно говоря, под брюхом машины двум мужикам было тесновато. В гробу, пожалуй, и то больше места.

И Лу Чэншань был на сто процентов уверен: этот мелкий залез сюда исключительно из детского любопытства — потому что показалось прикольно.

— Спасибо, — выдавил инженер. — А теперь выкатывайся обратно.

Пэй Сун надул щеки:

— Я уже два часа отпахал. Днем поеду с нашими на горную трассу, еще три часа накатаю. Точно все пять часов закрою.

— Я понял, — Лу Чэншань сзади вздохнул. — Иди играй, ладно? Можешь прямо на этой подкатке по пит-лейну кататься и олли крутить.

Глаза Пэй Суна вспыхнули:

— Реально можно?!

Слесарная подкатка шириной с мужские плечи явно не предназначалась для трюков, и Лу Чэншань так и не понял, каким образом этот пацан ухитрился прыгнуть на ней, как на скейтборде.

В итоге менеджер Сунь пришел уточнять у Лу Чэншаня, не собираются ли они открывать отделение экстремального катания на слесарных подкатках.

Врожденный талант — он во всем талант. Другого объяснения у инженера не было.

Во второй половине дня автомобильное крыло отправилось на горный спецучасток. Группу возглавили Цзян Ди и Сунь Сюй. Выбранный маршрут представлял собой дикую, ухабистую грунтовку — нечто среднее между раллийным допом и лесной дорогой.

Для тренировки контроля машины лучше покрытия не придумаешь: гравий, грязь, промоины, ямы и хаотично торчащие деревья.

Лу Чэншань с ними не поехал — ему нужно было дособирать машины к Германии, чтобы оставить задел по времени на тесты и настройку.

В Цзян Ди он был уверен: они пахали бок о бок не один год, и девушка переняла от него жесткую хватку. В тихом ангаре гудели только его собственные приборы — привычный белый шум Лу Чэншаня.

А вот на горной дороге...

Пэй Сун сорвался с цепи.

В отсутствие Лу Чэншаня он мгновенно превратился в самого отбитого гонщика во всем отряде.

Насколько нагло вел себя его Сааб на шоссе Яньлин, настолько же безумно он закладывал виражи по лесной грунтовке.

Когда Цзян Ди увидела на мониторе телеметрии цифру в 195 км/ч на гравийном отрезке, у нее перехватило дыхание. Она нервно оглянулась по сторонам, проверяя, не возник ли за спиной Лу Чэншань через какой-нибудь пространственный телепорт, и лишь затем выдохнула.

А потом нажала кнопку рации:

— Пэй Сун! Это гравий, блин! Ты на полном газу летишь, жить надоело?!

Из динамика донесся жизнерадостный вопль:

— Инженер Цзян! Да у нее же зацеп нереальный, машина держит трассу как влитая!

Цзян Ди хохотнула:

— Естественно! Твой Лу-гун о тебе печется, он тебе каркас безопасности из титанового сплава сварил!

Так, стоп, не о том речь. Цзян Ди цыкнула:

— Послушай меня! Сбрось газ! Мы сюда пришли контроль машины отрабатывать, а не самоубиваться!

Недаром говорят: тем, кто гоняет на мотоциклах, горные трассы — что дом родной. Этот безумный мелькающий лес по бокам, ветки, с треском хлещущие по кузову, дробь камней по аркам... Чистый, неразбавленный кайф!

Из-за избытка скорости при выходе из крутого шпильки машину тряхнуло — переднее колесо влетело в крупный булыжник. Автомобиль удержался на траектории, и Пэй Сун, не придавая значения удару, снова утопил педаль в пол.

Тем временем Лу Чэншань в ангаре заканчивал последний этап — монтаж впускного коллектора. Внезапно зазвонил телефон. На экране высветилось имя Цзян Ди. Опасаясь, что на трассе что-то стряслось, инженер даже не вытер испачканные маслом руки и мгновенно ответил:

— Слушаю.

— Я сейчас этого Пэй Суна своими руками придушу, — выдохнула Цзян Ди.

— Что он опять выкинул?

— Он на вираже налетел на камень. Я смотрю по датчикам — похоже, пошел пробой масляного поддона. Если масло капнет на раскаленный коллектор, под капотом вспыхнет факел! А он мне в рацию заявляет: «Что нам бури, что нам грозы, прорвемся!»

—... — У Лу Чэншаня заломило в висках. — Я... жди. Я иду к пульту. Переключи его канал на меня.

— Поняла.

Через минуту в шлеме Пэй Суна раздался знакомый, глубокий голос.

И два коротких слова:

— Пэй Сун.

Парень мгновенно сдулся:

— Понял-понял, уже торможу!

В этот вечер Лу Чэншань, как и обещал, запечатал боксы ровно в шесть. Опустилась тяжелая роллета, инженер отряхнул руки и объявил конец рабочей смены.

Пэй Сун мнусь рядом, боясь поднять глаза. На горном спецучастке двигатель действительно дал микропротечку масла. Он тогда увлекся и проигнорировал предупреждение Цзян Ди, но один лишь звук голоса Лу Чэншаня мгновенно охладил его горячую голову.

— Лу-гун, — Пэй Сун семенил следом за инженером, который упаковывал рабочий рюкзак.

Внутри лежал ноутбук, пачка одноразовых перчаток и маски.

— Говори.

— Извини а... Я во второй половине дня палку перегнул, косякнул, — виновато улыбнулся парень.

— «Что нам бури, что нам грозы», да? — Лу Чэншань дернул молнию рюкзака и закинул его на плечо.

Пэй Сун прибавил шаг, ровняясь с ним:

— Ну не сердись, Лу-гун. Я правда понял, что был неправ.

На самом деле Лу Чэншань не злился. Даже если бы масло действительно сильно текло, до реального возгорания оставалось больше минуты — времени на остановку хватало с запасом.

Его эмоции были направлены совсем в другую сторону.

Он с четкостью осознал: Пэй Сун его слушается. А прямо сейчас этот гордый, дерзкий пацан преданно заглядывает ему в глаза и просит прощения. Эти два факта выбивали из-под ног инженера привычную почву, заставляя испытывать незнакомые, слишком сильные чувства.

Это чувство называлось влюбленностью. Он шел к парковке с каменным лицом, сохраняя абсолютное внешнее спокойствие, тогда как внутри все рушилось и перестраивалось заново.

— Блин, привычка — страшная сила, — Пэй Сун на автомате ухватился за ручку двери Apollo IE, тянув вверх «крыло чайки», но тут же замер и виновато посмотрел на Лу Чэншаня. — Я тебе дверь открываю, Лу-гун!

Вот тут Лу Чэншань не сдержался и коротко хмыкнул, качнув головой.

Пэй Сун уже несколько дней рассекал на этом суперкаре, и рука сама тянулась к дверной ручке — сработала мышечная память.

Увидев улыбку на лице инженера, Пэй Сун окончательно отмяк. Он бесцеремонно закинул руку Лу Чэншаню на шею и по-братски встряхнул:

— Е-е-е, Лу-гун не злится!

Затем отпустил его:

— Ладно, я в общагу. Кстати, Лу-гун, в среду на сабантуй можно я Баомэна притащу? Мы с ним вместе результаты ждем, он точно хорошо сдал.

Лу Чэншань кивнул:

— Бери.

В среду приспели оценки. Кэ Баомэн действительно сдал отлично. Причем сам он даже не стал искать свою фамилию — первым делом вбил в поиск имя Пэй Суна.

— Уф-ф-ф... — Баомэн с шумным выдохом откинулся на спинку стула. — Сун-эр, ты пролез. Минимальный балл есть!

Пэй Сун чуть не прослезился. Он набрал мать и сообщил, что не вылетел, та рыдая переслала весть в семейный чат, а Пэй Сун, продолжая пребывать в экстазе, отписался Лу Чэншаню.

Лу Чэншань в ответ прислал отличную новость: модификация Ferrari SF90 завершена, машина готова к полноценным заездам.

Для Пэй Суна это означало одно: можно обкатывать обновку!

Завершив звонок, Пэй Сун сгреб Баомэна в охапку и оторвал от пола. Баомэн решил, что тот радуется сданным экзаменам, но Пэй Сун во всю глотку заорал:

— ЕБАТЬ! ФЕРРАРИ-И-И!

—... — Баомэн оглядел свой диплом с отличными оценками и вздохнул: — В голове одна гоночная мазута.

Настрочные заезды — это всегда чистый восторг. Слово первое свидание с девушкой мечты: мандраж, трепет и бьющий через край адреналин. Пэй Сун прыгнул в свой КТМ, затянул ремни и рванул на базу.

Вечером намечалась попойка, и главная тема обсуждений среди механиков сводилась к тому, кто сколько выпьет. Алкогольный потенциал Лу Чэншаня знали многие: посадить пол-литра пятидесятиградусной байцзю и не поморщиться — с таким тягаться бессмысленно.

Цзян Ди хвасталась, что уступит Лу Чэншаню самую малость, а менеджер Сунь внезапно выдвинул Сян Хайнина, ткнув пальцем ему под подбородок:

— Знаете, почему у него имя Хайнин? Потому что у него «хайлян» — бездонная бочка!

Бедный Сян Хайнин от страха побледнел и стал отчаянно махать руками, боясь, что менеджер заставит его соревноваться в литраже с Лу Чэншанем.

Тут в ангар влетел Пэй Сун. Первым делом он заорал с порога:

— Лу-гун!

Выглядело это точь-в-точь как ребенок, прибежавший с улицы и с порога зовущий маму.

Вторым криком было:

— Где моя Феррари, Лу-гун?!

Лу Чэншань запустил руку в карман брюк, выудил брелок размером с полладони и бросил парню. Пэй Сун поймал его обеими руками, раскрыл ладони — на черном пластике блестел желтый герб с гарцующим жеребцом.

Пэй Сун издал дикий первобытный возглас:

— Нихуя себе!

Лу Чэншань усмехнулся:

— И это филолог говорит?

К поездке на Нюрбургринг команда готовила три машины. Сян Хайнин получил доработанную McLaren 650S, Чэнь Сянь — жесткий AMG GT ONE, а Пэй Суну досталась трековая Ferrari SF90.

В этой тройке Чэнь Сянь обеспечивал стабильный нижний порог результатов, а вот верхний максимум Лу Чэншань доверил выжимать Пэй Суну.

Машины поочередно выкатили на стартовую прямую. В последние годы Феррари не блесала на треках, но у марки оставалась магия бренда. Стоило сесть в капотную чашу, как на тебя словно навешивали «бафф гарцующего жеребца». Никакого реального прироста к характеристикам он не давал, зато поднимал уверенность до небес.

Казалось, под тобой не Феррари, а реактивный самолет.

Вр-р-р-ум! — сработал лонч-контроль. Когда Пэй Сун надевал шлем, он переставал быть дурашливым подростком.

Реакция на старте составила феноменальные 0,29 секунды. Лу Чэншань выдохнул и перевел взгляд на трек. Погода стояла идеальная: сухой асфальт, легкий бриз.

В динамике рации раздался восторженный окрик пилота:

— Лу-гун! Это не машина, это сатана!

Пэй Сун сорвал корму в контролируемый занос, со щелчком щелкнул лепестком, отщелкнув передачу вверх, и утопил газ. Лу Чэншань глянул на экран телеметрии... и обнаружил, что из трех машин Феррари показывает самое медленное время. Классика: «Красиво летит, да идет последней». Инженер лишь молча качнул головой.

После серии кругов машины загоняли в боксы на тонкую настройку и снова отправляли на покрытие. Сход-развал, углы атаки антикрыла, жесткость амортизаторов — каждый параметр подгонялся под цифры датчиков.

Солнце клонилось к закату, когда на базу подтянулся Кэ Баомэн.

На ресепшен его не знали, поэтому Лу Чэншань сам выродил гостя и усадил на стул возле телеметрического пульта.

Баомэн чинно восседал на стуле. За его спиной с диким ревом проносились суперкары, и парень то и дело крутил головой, переводя взгляд с трассы на мерцающие графики.

Наконец Баомэн набрался храбрости и спросил:

— Лу-гун... А как там Пэй Сун? Хорошо едет?

Лу Чэншань посмотрел на засечку Феррари... Из трех машин парень опять шёл третьим. Инженер усмехнулся:

— Он? На тестах никогда не выиграет, в реальной гонке — никогда не проиграет.

На финальном круге, когда над трассой уже догорали пурпурные полосы заката, три суперкара вернулись на пит-лейн. Пэй Сун выбрался из кокпита, сдернул шлем с балаклавой и вместе с остальными пилотами направился к ангару.

Заметив Баомэна, он замахал руками:

— Баомэн!!

Кэ Баомэн пошел навстречу:

— Охренеть можно! Феррари, Макларен, Мерседес...

Пэй Сун сгреб друга за плечи и представил Сян Хайнину и Чэнь Сяню, после чего принялся взахлеб расписывать, как мощно он только что валил по треку. Баомэн в автоспорте не разбирался, но честно признал: звук мотора пробирает до костей.

Компания вошла в ангар. Пэй Сун подытожил:

— Звук огонь? То-то же! Какой звук — такой и движок!

Тут вмешался Лу Чэншань:

— Макларен — первый. Мерседес — второй. Феррари — третья.

Улыбка на лице Пэй Суна мгновенно скисла:

— Да ладно?! Лу-гун, у тебя телеметрия глючит!

Лу Чэншань спокойно одарил его взглядом:

— Иди переодевайся. Пора ехать.

На вечер менеджер Сунь забронировал огромный отдельный кабинет в одном из лучших ресторанов шанхайской кухни. Сегодня обмывали контракт Лу Чэншаня и успешную сдачу сессии двух молодых пилотов.

Пэй Сун уселся между Баомэном и Лу Чэншанем. То, что парень липнет к инженеру, уже никто не замечал: кроме Пэй Суна и Цзян Ди, рядом с суровым главмехом все равно никто сидеть не рисковал.

Менеджер Сунь выставил на стол четыре ящика ледяного пива, пару бутылок сока и водрузил по центру бутыль пятидесятиградусной байцзю. Лу Чэншань понимал, что сухим из воды не выйдет, поэтому даже сопротивляться не стал, спокойно подставив стопку. Наполнив рюмку инженера, Сунь посмотрел на Пэй Суна:

— Сяо Пэй, выкладывай честно: сколько выпить можешь?

Пэй Сун скромно улыбнулся:

— Моя норма — ананасовое пиво.

— Слабак, — менеджер Сунь качнул головой и перевел взгляд на Баомэна.

Тот замахал руками, уверяя, что завтра с утра на работу.

Вздыхнув, Сунь вернулся на место и призвал тех, кто «в строю», наполнять бокалы. Пэй Сун подумал, толкнул Баомэна локтем и тихо попросил:

— Назад ты поведешь, ладно?

Баомэн кивнул.

Тогда Пэй Сун уверенно цапнул рюмку Лу Чэншаня. Инженер не стал его останавливать, лишь удивленно изогнул бровь.

Пэй Сун отлил из полной стопки Лу Чэншаня хорошую глоток сорокаградусной в свой пустой бокал. Затем чокнулся с ним:

— Лу-гун, с продлением контракта! За успешное сотрудничество!

Отливать алкоголь из чужой стопки в свою — грубейшее нарушение китайского застольного этикета. Но Лу Чэншаню было плевать.

Он поднял свою стопку, в которой оставалось добрых грамм сто пятьдесят крепыша, чокнулся с пацаном и в один заход высадил все до дна.

— За сотрудничество, — улыбнулся Лу Чэншань.

Затем взял бутылку, заново налил себе полный бокал, а Пэй Суну капнул ровно три капли.

— А это — за то, что не вылетел с института.

И снова опрокинул стопку до дна, даже не поморщившись.

<http://bllate.org/book/20414/2151498>